

Светлана
Голубева

Книга и пёс

В парке на скамейке лежала книга, открытая, и сама читала небо, пристально глядя вверх. Ветерок-продуванчик ворошил страницы, те веером перелетали с одной обложки на другую, и солнышко с высоты пробегало по ним зайчиком.

Такой увидел книгу бездомный щенок. Он брёл по дорожке, обнюхивая плитку

и осматриваясь по ходу движения. Солнце протянулось к скамейке с книгой, и между шелестящих страниц пробился пульсирующий лучик.

— Как чудесно, — задумчиво твякнул щенок и подошёл ближе.

Страничный шелест превратился в шёпоты: не один, а несколько голосов рассказывали кому-то, возможно, именно щенку, любопытную историю. Пёсик уселся рядом со скамьей, закрыл глаза, слушал

и представлял книжную историю. Ему привиделся двор, дом и человек, зовущий кого-то: «Мухтар, Мухтар!»

Вдруг раздались торопливые шаги. Щенок открыл глаза. К скамейке бежал мальчик лет семи (пёсик хорошо умел понимать возраст людей).

— Ф-фух, — выдохнул незнакомец и повалился на скамью возле книги. — Нашёл. Как я мог её забыть?

Он отдышался и уставился на собачку.

— Ты чей же? — спросил мальчик и сам себе ответил. — Да понятно, ничей. Спасибо, что книгу мою охранял. Слушай-ка, пойдём ко мне жить. Вместе гулять будем, я тебе читать стану. За моих родителей не переживай, они у меня, знаешь, как животных любят. Оба ветеринары, звериные доктор, профессия такая.

Щенок не понял в точности, что сказал ему мальчик, но догадался о главном: у него теперь будет двор, дом, друг и... книга.

Лёкины «головастики»

Лёка четыре года. Сколько она себя помнит, вокруг всегда звучала музыка. Малышка засыпала и просыпалась под тихие и громкие струи звуков. Иногда это были не струи, а целые реки или даже моря. Тогда Лёка начинала тревожиться и плакать. Мама брала её на руки, а папа говорил:

— Хорошо чувствует музыку, композитором будет.

Папа девочки музыкант. Ей нельзя входить в комнату, когда тот играет. Она слушает, стоя за дверью и заглядывая в щёлочку. Но вот папа вышел,

а дочка тихонечко пробралась к роялю.

На узкой полке над клавиатурой стояла партитура. Папа так говорит, а Лёка ещё не знает, что это такое. Она забирается на винтовой стульчик и смотрит в партитуру. Крошечные чьи-то головы с хвостиками, иногда не с одним, а сразу с двумя. Вот несколько голов за хвостики подвешены к одной рейке. Рядом с некоторыми такими «головастиками» нарисованы малюсенькие ломаные лесенки. И всё это — на линеечках.

«Откуда тут звуки?» — думает Лёка.

— Как откуда? — слышит она ответ на свои мысли. — От нас, нот. Я, например, Ля.

С линеек нотной тетради прыгивает хвостатый значок на одну из белых клавиш рояля. Раздаётся звук.

— Это, собственно, моё имя, — говорит нота Ля.

— Я — Ре, — объявляет ещё один «головастик» и прыгает на другую белую клавишу.

— А я-а-а, — раздаётся кряхтение ноты, тянущей за собой кособокую лесенку, — До. То есть, До-диез. Вот он, мой диез, — говорит нота, потрясая скособоченной лесенкой.

— Зачем? — спрашивает Лёка.

— Затем, — отвечает нота, падая вместе со своим диезом на чёрную клавишу. — Если бы я была одна, то звучала бы так, — сказала До и слезла на соседнюю белую клавишу. — Что скажешь?

Лёка подумала и ответила:

— С диезом веселее.

— То-то, — удовлетворённо заключила До-диез.

Разговор продолжался, а за дверьми в щёлочку подглядывали родители Лёки. Смотрели и улыбались.